

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разумная жизнь на той или иной планете достигает зрелости, когда ее носители впервые постигают смысл собственного существования. Если высшие существа из космоса когда-либо посетят Землю, первым вопросом, которым они зададутся, чтобы установить уровень нашей цивилизации, будет: «Удалось ли им уже открыть эволюцию?» Живые организмы существовали на Земле, не зная для чего, более трех миллиардов лет, прежде чем истина осенила наконец одного из них. Это был Чарльз Дарвин. Справедливости ради следует сказать, что крупицы истины открывались и другим, но лишь Дарвин впервые связно и логично изложил, для чего мы существуем. <...> Нам теперь нет нужды обращаться к суевериям, когда мы сталкиваемся с извечными проблемами: существует ли смысл жизни? для чего мы живем? что есть человек? Столкнувшись с этими главными вопросами, нам больше не нужно будет прибегать к суевериям.

Ричард Докинз. Эгоистичный ген (1976)

Исторический код

Впервые я прочел приведенный выше отрывок, будучи студентом факультета экономики. И тут же подумал: «Если инопланетяне все же захотят узнать уровень понимания общественного развития на Земле, какие вопросы им стоит задавать?»

Мне кажется, если судить по важности и необычности, то самый примечательный и заслуживающий пристального внимания феномен — корни современного экономического роста: если на планете начался взрыв производительности, поймет ли разумная жизнь, которая может наслаждаться его плодами, как это произошло?

Если бы первый вопрос инопланетян был о «загадке происхождения видов», то мы могли бы с тем же успехом предположить, что второй будет

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

о «загадке происхождения богатых видов»: как человеческий вид настолько разбогател?

В книге «Прощай, нищета!»* историка экономики Грэгори Кларка, изданной в Калифорнийском университете в Дэвисе, была иллюстрация в исполнении самого профессора — нарисованный от руки график изменений мирового дохода на душу населения (рис. П.1)**.

Мировой доход на душу населения
(за 1 взят уровень 1800 г.)

Рис. П.1. Изменения мирового дохода на душу населения

На этой картинке показано, как современные ученые понимают экономическую историю человечества: доход на душу населения во всем мире долго пребывал в стагнации (хотя и наблюдались колебания, но не было устойчивого роста), пока не началась промышленная революция, после чего в некоторых регионах последовал здоровый рост.

Поворот от стагнации к росту произошел около 1800 г. До этого, в сельскохозяйственную эпоху, продолжавшуюся около 10 тыс. лет, крестьяне принимались за работу с восходом солнца и могли отдохнуть лишь после заката. Питание было ограниченным и однообразным, более 80%

* Издана на русском языке: Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М. : Издательство Института Гайдара, 2013.

** Все иллюстрации в этой книге приведены с одобрения автора или правообладателя.

рациона составляла пара видов зерновых культур. Из-за дефицита питательных веществ средний рост мужчин достигал 160 см или даже меньше. В густонаселенных районах бушевали болезни. Жизнь подавляющего большинства людей даже не могла сравниться с той, что вели предки в эпоху охоты и собирательства*.

Крестьяне — эксперты в производстве продуктов питания и одежды, но почему им всегда было трудно обеспечить себя всем нужным? Земля бывала скучной или плодородной, сельское хозяйство — передовым или отсталым, монархи — гуманными или жестокими, но, как бы эти условия ни сочетались, подавляющее большинство людей страдало от голода и бедности. Почему?

Тайна происхождения богатых видов представляет собой суперпозицию двух загадок. Почему люди были такими бедными до 1800 г.? Как они разбогатели потом? Первая загадка — основа второй. Не имея представления о причинах изначальной бедности, невозможно понять поворотный момент.

В 1798 г. британский пастор Томас Мальтус в своей работе «Опыт закона о народонаселении» отметил, что люди всегда будут бороться за еду и одежду, потому что темпы роста населения увеличиваются вместе с повышением подушевого дохода (богатые рожают, бедные умирают). При этом доход будет уменьшаться пропорционально росту населения (чем больше людей, тем они беднее). Таким образом, как только доход на душу населения превысит прожиточный минимум, рост числа людей будет нивелировать плоды профицита. В результате подушевой доход всегда будет колебаться на уровне, которого едва хватает для выживания.

При написании последней главы пастор осознал свое истинное призвание и предположил, что обнаруженная им закономерность случилась по воле Божией, чтобы человечество всегда могло сохранять смирение перед лицом невзгод и трудностей — и это перекликается со словами Иеговы в библейской книге Бытия (3: 17–19), когда он изгонял Адама из Эдемского сада:

* Джаред Даймонд, автор книги «Ружья, микробы и сталь», в 1987 г. опубликовал в журнале Discover интересную статью, в заголовке которой сельское хозяйство было названо главной ошибкой в истории человечества. Археологи обнаружили, что с точки зрения благосостояния на душу населения уровень жизни сельскохозяйственных обществ, вероятно, уступал уровню жизни во времена охоты и собирательства. Историк Юаваль Харари придерживается той же точки зрения в «Краткой истории человечества».

...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы проиэрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

Связь законов экономики с Божественным проклятием показывает, что понимание Мальтусом ловушки бедности было весьма прогрессивным. Сложные явления могут быть выведены из простых правил: Бог в глазах ученых-социологов подобен программисту, использующему формулы и коды, которые создают жизнь для людей и позволяют свободно выводить законы природы. Миссия ученых в том, чтобы постичь мир и расшифровать код этого Бога.

Но какой код достоин того, чтобы его называли проклятием, способным надолго удержать человечество вдали от Эдемского сада?

Прошло более 200 лет, и теория Мальтуса, маленькая программа из трех строк, основанная на двух аксиомах — богатые рожают, бедные умирают, перенаселение ведет к бедности*, — стала основой для почти всех ученых, размышлявших об истории. Несколько веков среди экономистов с его репутацией могли соперничать только Смит, Маркс и Кейнс. Его мысли незаметно стали фоном почти всех исторических исследований, и он потряс уже тысячи читателей благодаря академическим бестселлерам первоклассных ученых. Половина вышеупомянутой книги «Прощай, нищета!» представляет собой точный пересказ «Опыта закона о народонаселении» с использованием модельного языка и эмпирических результатов современной экономики.

Теорию Мальтуса можно в двух словах объяснить учащимся начальной школы — «Опыт закона о народонаселении» не так глубок, как «Исследование о природе и причинах богатства народов», «Капитал» и «Общая теория занятости, процента и денег». Но Мальтус все же достоин того, чтобы в истории экономической мысли его поставили рядом со Смитом, поскольку проблемы, которые он исследовал, очень важны. Помимо мальтизианской, немногие теории социальных наук могут охватывать период в 10 или 100 тыс. лет, а то и больше. И очень немногие названы в честь первооткрывателя. А годы человеческой истории, не относящиеся к «мальтизианскому веку», составляют всего лишь чуть более 200 лет.

* Две аксиомы: 1) еда необходима для выживания человека, 2) вожделение между полами неизбежно. В «Опыте закона о народонаселении» строчка «программы» «богатые рожают» относится к «превентивному контролю», а «бедные умирают» — к позитивному контролю.

Однако Мальтус ошибался. Эта книга проиллюстрирует, что «Божественное проклятие», которое втягивает человечество в ловушку хронической бедности, кардинально отличается от того, что он представлял себе. Даже если так называемая мальтузианская ловушка существует, ее фундаментальная причина — это вовсе не мальтузианский механизм. Возможно, кто-то скажет: «Погодите. К чему критиковать Мальтуса? Разве его не опровергли 100 лет назад?»

Действительно, за последние пару веков более сотни ученых отмечали, что Мальтус ошибался то тут, то там, и один мой голос не сыграет никакой роли. Среди критиков лучше всего слышны два других голоса^{*}.

Первый говорит, что современный экономический рост опроверг мальтузианскую теорию. Подтекст утверждения заключается в том, что Мальтус легко объяснял, «почему люди были бедны до 1800 г.», но после 1800 г. возникла новая ситуация. Но тогда «доказательства» этих критиков, вероятно, преувеличены. Если Мальтус действительно смог объяснить историю за десятки тысяч лет до промышленной революции, нужно ли придураться к такой мелочи?

Второй голос часто можно услышать в исследованиях по демографии и экономической истории. Когда специалисты изучают экономические и демографические данные отдельных регионов в доиндустриальную эпоху, они часто замечают, что мальтузианский эффект «богатые рожают, бедные умирают» гораздо слабее, чем предполагал Мальтус, а темпы роста населения мало связаны с подушевым доходом. Одно из самых

^{*} Другие замечания в основном касаются конкретных моментов. Это осуждение геометрической и арифметической прогрессий как слишком грубого аргумента; «моральных ограничений» (бедные меньше рожают) как нереалистичных; сомнение в оценке потенциальных темпов роста населения; расуждение о том, что важнее: «богатые рожают» или «бедные умирают» [Faccarello et al., 2020]. Однако большинство критиков по-прежнему принимают основной аргумент Мальтуса — объяснение ловушки долгосрочной бедности. Например, в книге «Четверть человечества: миф Мальтуса и реальность Китая (1700–2000)» Ли Чжунцина и профессора Ван Фэна, известных представителей калифорнийской школы экономической истории, Мальтуса критиковали за ошибочное мнение о том, что в динамике численности населения Китая доминируют реалистичные ограничения (положительный контроль, который здесь называется «бедные умирают») и отсутствует превентивный механизм («богатые рожают»). Ли и Ван отметили, что в Древнем Китае были распространены и механизмы превентивного контроля, и развенчали мальтузианскую теорию как миф. Однако критика касалась только недостаточной эрудированности Мальтуса в случае с Китаем и не поколебала его объяснение мальтузианской ловушки. Работы Ли и Вана не вышли за рамки мальтузианской теории.

цитируемых исследований было проведено моим научным руководителем, демографом Рональдом Ли. Ряд доказательств, которые он поставил под сомнение еще 40 лет назад, до сих пор остаются главным объектом критики мальтузианской теории*.

На основании одних этих оценок у читателей, не знакомых с литературой по вопросу, может сложиться ложное впечатление, что Мальтуса давно опровергли. Но почти все его критики, включая моего наставника Рональда Ли, просто подвергали сомнению силу или слабость мальтузианского механизма в какой-то момент и в каком-то месте. Почти никто никогда не оспаривал основной вклад мальтузианской теории: объяснение долгосрочной стагнации глобального дохода на душу населения до 1800 г. — так называемую мальтузианскую ловушку.

Поэтому мальтузианцы всегда могут ответить: история так длинна, капля камень точит, и сколь бы мала ни была сила мальтузианского механизма, можно ли сказать, что сама ловушка была создана не ею [Кларк, 2013]? Даже Рональд Ли утверждал: «Как бы слаба ни была эта притягивающая сила (мальтузианский механизм), пока она существует и сохраняется, она будет доминировать в динамической трансформации населения. Если она не сработает в краткосрочной перспективе, то будет реализована в долгосрочной» [Lee, 1987].

Пока существование мальтузианской ловушки не будет полностью опровергнуто или кто-нибудь не предложит новый набор ее объяснений, критикам придется принять мальтузианский взгляд на историю. В более чем половине из десятков рецензий** на книгу профессора Кларка «Прощай, нищета!» авторы молча согласились с его взглядами на мальтузианскую теорию и сосредоточили критику на других аспектах. Прежде чем опровергнуть объяснение промышленной революции, данное Кларком, специалист по экономической истории Дейдра Макклоски даже изложила девять пунктов «мы все согласны, что...» в поддержку классического мальтузианского взгляда на историю, за которые выступал Кларк,

* Исследования Рональда Ли в этой области: Lee (1980, 1987), Lee, Anderson (2002). Для изучения уязвимости мальтузианского механизма можно обратиться к резюме Аллена и Кэмпбелла [Allen, 2008; Campbell, 2010].

** На своей странице Кларк честно перечисляет 79 рецензий на книгу «Прощай, нищета!». Среди их авторов значились такие известные деятели, как Роберт Аллен, Тайлер Коуэн, Сэмюэл Фриз, Фрэнсис Фукуяма, Дейдра Макклоски, Кеннет Померанц, Жан-Лоран Розенталь, Роберт Солоу, Ян Лёйтен ван Занден, Ханс-Йоахим Вот, Эдвард Энтони Ригли и др. Благодаря этим рецензиям мы можем получить представление о понимании и отношении к мальтузианской теории в ядре современных академических кругов.

заявив, что эти взгляды «бессспорно хороши» [Макклоски, 2018]^{*}. Всеобщее признание, заявленное Макклоски, представляет собой господствующее отношение к малтузианской теории в современных академических кругах; для экономической истории как дисциплины малтузианская теория — азбука, подоплека и краеугольный камень.

Хотя некоторые ученые отказываются считать Макклоски своим «представителем», их критика сосредоточена только на эмпирической слабости малтузианского эффекта [De Vries, 2008]. Подобные выпады, в какую бы резкую форму они ни были облечены, не затрагивают сути малтузианской теории и не могут ответить на простой встречный вопрос: раз уж малтузианская ловушка существует, как она могла возникнуть, если не под действием малтузианского механизма?

Но в части I этой книги будет доказано, что Мальтус ошибался насчет своей ловушки. Есть еще одна причина ее возникновения — она будет раскрыта в главах 6–8 части II. Что касается эмпирической слабости малтузианского механизма, то она также получит объяснение в новой теории, представленной в этой книге.

Загадка происхождения богатых видов

Заменить малтузианскую теорию чем-то новым — подвиг для академической работы, но я не ограничиваюсь одной этой целью.

Более важный и увлекательный вопрос, чем переосмысление малтузианской ловушки, таков: как люди смогли выбраться из нее? Почему «Божественное проклятие», преследовавшее человечество десятки тысяч лет, вдруг рассеялось чуть больше 200 лет назад? Как началась промышленная

^{*} Макклоски пишет о том, что Кларк — способный ученый, и дает много доказательств, с которыми согласны другие ученые. Очень важно отличать хорошие аргументы от плохих, чтобы никто не подумал, что первые могут подкрепить вторые. Многое в его книге хорошо... Историки экономики сходятся во мнении, что с эпохи пещерных людей до XVII и XVIII вв. Британия, как и весь мир, застряла в малтузианской логике: без инновационной деятельности рост населения всегда приводит к снижению рациона, а жизнь людей трудна и коротка. Выход из малтузианской ловушки стал самым значительным событием в мировой истории, а масштабы изменений огромны. Но когда население существенно выросло, богатство на душу в самых богатых современных экономиках уже в 10–20 раз превысило показатели 1800 г.

революция? Как произошел современный экономический рост? Как люди стали богатыми?

Это «святой Грааль» экономической историографии и даже всей науки в целом, и он уже давно привлекает внимание множества ученых. Но чтобы ответить на вопрос, почему проклятие пропало, сначала необходимо выяснить, в чем оно заключалось. Все-таки, пока мальтизианская экономика доминировала в нашем сознании, почти все ученые, посвятившие себя этому вопросу, рассматривали мальтизианский механизм как проклятие, использовали модель для описания древнего общества и объясняли более поздний рост, корректируя мальтизианскую гипотезу. Как их теории могли попасть в точку? Переосмыслив вопрос «Почему люди бедны?», мы должны найти новый набор теорий, совпадающий с этим новым объяснением, чтобы понять, как люди стали богатыми; и этому посвящена часть III книги.

Я считаю, что, как и объяснение мальтизианской ловушки, новая интерпретация происхождения современного роста станет для вас открытием, а может, вселит смутное ощущение, что привычный мир будто снова стал незнакомым. Чтобы вызвать это чувство, нужны подготовительные знания. Поэтому, чтобы читатель узнал всё по мере чтения, я не буду сейчас спойлерить свои разъяснения.

Каждый год выходит новое издание, в котором исследуются причины промышленной революции. Но мы будем искать ответ на другом уровне. Если инопланетяне действительно зададутся вопросом «Как люди стали богатыми?», то ответ в книге должен быть именно тот, который найдет у них отклик. Прочитав это, вы, вероятно, удивитесь: «Почему в научной книге по экономической истории идет речь об инопланетянах?»

К разговорам с внеземными цивилизациями я отношусь как к мысленному эксперименту. Это не простая уловка. Существует только одна линия человеческой истории, и «зарождение богатых видов» случилось только раз. Любая теория о ловушке бедности и происхождении достатка не может быть опровергнута землянами на современном этапе. Но в Млечном Пути и даже во всей Вселенной «зарождение богатых видов» развитых разумных цивилизаций, вероятно, происходило тысячи раз. Вопрос о том, существует ли универсальный закон происхождения богатых видов, имеет смысл только в эмпирическом контексте галактик и Вселенной. Хотя у нас нет образцов инопланетных цивилизаций, размышляя о таких проблемах, мы не можем не смотреть за пределы нашей планеты. В возникновении богатых видов инопланетных цивилизаций

также мог быть свой «порох», «Новый свет», «угольные и железные рудники Великобритании». Но, помимо этих случайных факторов, существуют ли универсальные законы, которые выходят за рамки отдельных планет? Разве не этот ответ почти все исследователи жаждут найти в документах? Это и есть та цель, достижению которой посвящена часть III книги.

Вы, возможно, спросите: «А откуда вы знаете, что такое “промышленная революция” инопланетян? Неужели она похожа на ту, что случилась на Земле?»

Конечно, у нас нет возможности напрямую наблюдать за иными цивилизациями, мы можем полагаться только на логические рассуждения. Модели в этой книге устанавливают связь между происхождением богатых видов и биологическими явлениями. Как только мы рассмотрим его как эволюционный феномен, оно перестанет быть изолированным случаем на Земле и станет естественным поворотным моментом в эволюционирующей системе. Хотя он и был случайным в истории одного вида, за долгую историю жизни на Земле это происходило десятки миллионов раз: рождалось бесчисленное множество новых видов. Если аналогия верна, то у нас есть основания полагать, что эволюция внеземных цивилизаций также следует механизму, описанному в этой книге, на соответствующем уровне. Таким образом, существует тесная связь между происхождением богатых видов и происхождением видов как таковых.

ИСТОКИ И КОНТЕКСТ ЭТОЙ КНИГИ

Я увлекся Мальтусом в 2007 г. В том же году я окончил Школу экономики и менеджмента Университета Цинхуа и отправился в Калифорнийский университет в Беркли в районе залива Сан-Франциско, чтобы получить докторскую степень по экономике. Профессора Бредфорд Делонг и Ян де Фрис преподавали там экономическую историю первокурсникам. Одной из обязательных книг была монография профессора Грегори Кларка «Прощай, нищета!». Я следил за ходом мыслей профессора и впервые всерьез оценил Мальтуса: логика была разумной, а выводы потрясающими. Я до сих пор помню, насколько был шокирован.

Но один вопрос застрял во мне, словно кость в горле. Основываясь на мальтузианской модели, Кларк решил, что в обществе, находящемся

в равновесии, доход на душу населения будет одинаковым. Незначительные различия вызваны некоторыми факторами: количеством бань, санитарными условиями, патогенной средой, культурой размножения и частотой войн. Общества, в которых чаще моются, меньше болеют, более заинтересованы в продолжении рода и более миролюбивы, — беднее. А благое управление, верховенство закона и рынок в малтузианском обществе могут только увеличить численность населения и не способны повлиять на подушевой доход*.

Очень резонная модель. Но как было на самом деле? Производство и торговля в Древнем Риме были чрезвычайно развиты, а в средневековой Европе — крайне запущены. Пока рацион на душу населения в первом случае оставался не ниже, чем во втором, с точки зрения дохода (рацион на душу населения + промышленно-торговое потребление на душу населения) Древний Рим должен был намного обогнать Средневековье. Но, по мнению профессора Кларка, чем грязнее жизнь, тем больше распространены насилие и болезни и тем выше доход на душу населения. Не будет ли это означать, что Древний Рим уступал Средневековью, а Афины — Спарте? Неужели история, которую я знаю, неверна? Могло ли быть так, что промышленность и торговля Афин и Древнего Рима были всего лишь инструментами, которые обслуживали горстку знатных и влиятельных людей, а жизнь простого народа на самом деле оказалась еще хуже?

Все началось с этих обрывков сомнений. Затем я в течение пяти лет время от времени возвращался к размышлениям, и внезапно мне довелось столкнуться с великолепным мысленным путешествием, которое в итоге стало темой моей докторской диссертации. Данная книга — «записки» того периода, мемуары обычного бродяги по возвращении из чужой страны в родные края, записанные в минуты душевного волнения. Если вам кажется, что реальный мир скучноват, поскольку привычен, то вам стоит почитать эту работу. Исторические законы, рассмотренные в этой книге, возможно, смогут снова сделать ваш мир незнакомым, новым, но не лишенным рациональности.

Эти «Записки путешественника» разделены на три части. Каждая знакомит с теорией и объясняет то или иное явление. Первая объясняет изменения в уровне жизни в древних обществах; вторая раскрывает тайну стагнации дохода на душу населения в древних обществах, или причину

* В главе 1 будет объяснена малтузианская модель и сделаны соответствующие выводы.

мальтузианской ловушки; в третьей повествуется о том, как человеческая цивилизация выпрыгнула из ловушки и положила начало современному экономическому росту.

Три теории выступают продолжением друг друга. Теория полезных продуктов (продуктов второй необходимости) восполняет недостатки теории Мальтуса. Но в новой модели, которая компенсирует эти недостатки, врожденный детерминизм мальтузианской ловушки снова становится загадкой. Либо допущения новой модели неверны, либо неверно объяснение ловушки бедности. Многократное изучение улик указывает на одно: за мальтузианской ловушкой, вероятно, скрывается великая истина.

Поиск истины и выявление «настоящего убийцы» — основная линия части II. Оказывается, «идейным вдохновителем» трагического положения людей на протяжении тысячелетий был не мальтузианский, а дарвиновский механизм. Эта теория, которая по-новому интерпретирует мальтузианскую ловушку, называется теорией этнического отбора.

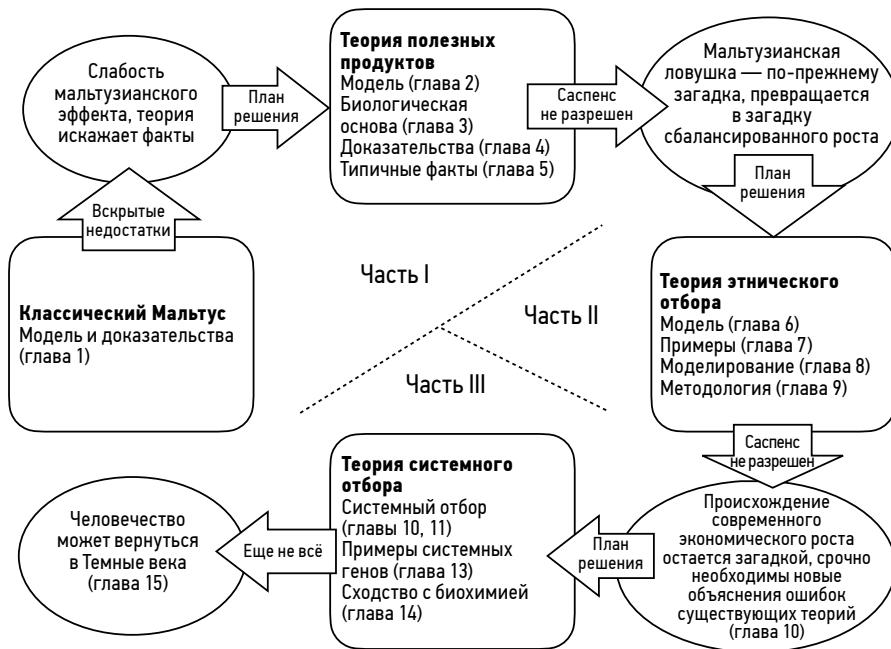

Рис. П.2. Нить повествования этой книги

Но теория этнического отбора, рассмотренная в части II, подняла новую волну. Поскольку «Божественное проклятие», которое заманивает человечество в ловушку, не относится к мальтузианскому механизму,

не ошибочны ли модели, к которым прибегают в экономической литературе для объяснения его снятия? Их авторы неправильно оценивают проблемы роста, и независимо от того, насколько причудлива модель или насколько идеально она соответствует данным, суть остается неясной.

Возможно ли восстановить единое объяснение малтузианской ловушки и современного экономического роста на основе дарвиновского механизма? Теория системного отбора, приведенная в части III, стала первой попыткой в этом направлении.

От тихих вод к глубинным течениям и далее к «прыжку лосося». Нить повествования настоящей книги можно проиллюстрировать картинкой (рис. П.2).

Целевая аудитория и трудности чтения

Небрежно полистав книгу, вы увидите много иллюстраций, а иногда и простые формулы. Если вы изучали базовые экономические принципы, они покажутся вам до боли знакомыми. Все это оригинальные экономические модели.

По логике вещей в популярных книгах такого быть не должно. Стивен Хокинг в своей «Краткой истории времени»* писал, что каждый раз, когда в научно-популярную книгу добавляют формулу, ее продажи падают вполовину. В издательской индустрии это считается чуть ли не золотым правилом. Но после общения со мной редактор Citic решил поместить модели в книгу.

Мы считаем, что слова Хокинга применимы к его «Краткой истории времени», но их нельзя рассматривать как универсальную истину. Модели эффективнее передают информацию. Одна страница графиков стоит десяти страниц вербальных намеков. Намеренное исключение моделей только затруднит понимание. Словесное описание не может быть достаточно точным, к тому же логика повествования строится слой за слоем. Даже если словесное выражение на каждом из них будет двусмысленным только на 10%, гора ошибок станет только расти, и в конце концов это приведет к тому, что читатель заплутает в потемках собственных заблуждений.

* Издана на русском языке: Хокинг С. Краткая история времени. М. : АСТ, 2017.
Прим. ред.

Модели в квазиакадемических работах подобны каменным ступеням, ведущим к буддийскому храму на вершине горы. Засыпав о множестве пролетов, люди боятся пускаться в опасное путешествие на такую высоту и решают не ходить туда. Таким читателям стоит дать телескоп: им полезнее любоваться храмом издали, чем возводить к нему ступени. Однако я обращаюсь к читателям, которые интересуются историей человечества и желают пораскинуть мозгами. На этой горной дороге много ступеней, но их количество связано не с высотой горы, а с тем, что прокладывавший путь сделал каждый пролет довольно низким (в начале каждой главы есть «Путеводитель», а в конце — «Краткие итоги»; перед объяснением модели будут даны подсказки, разъясняющие ее сложности; от основного квеста будут отделяться параллельные, которые позволят вам «побивать монстров и выходить на новый уровень», и там, где приведены иллюстрации, нет никакой необходимости разбираться в алгебре...).

Если бы я сделал каждую каменную ступеньку высотой в полметра, чтобы не напугать вас их количеством, возможно, мне удалось бы привлечь больше людей, потирающих руки у подножия горы. Но стоило бы им начать восхождение, они бы выдохлись и вернулись с полпути к подножию, обвиняя меня в том, что я возвел ступени вместо того, чтобы поставить телескоп. И это действительно подтвердило бы слова Хокинга о том, что каждая формула в половину роняет продажи. Либо не делай, либо делай хорошо. Наш выбор основан на доверии и уважении к читателям.

Однако почему в «Краткой истории времени» применяется закон Хокинга? А потому, что теории, включенные в его книгу (взгляд Эйнштейна на время и пространство, космическая эволюция, теория черных дыр и т. д.), слишком сложны. Если действительно строить ступени на такой высокой горе, получится учебник физики. Лучше было отказаться от ступеней и сосредоточиться на строительстве у подножия горы телескопа с большим телеобъективом и многократным увеличением, чтобы получилась превосходная научно-популярная книга. Разумеется, она «не требует пропастранных объяснений», в нее можно глубоко проникать, к ней нельзя относиться фамильярно. Можете посмеяться, но мне было очень тяжело читать «Краткую историю времени». Уже на середине я чувствовал себя как в темном лесу, я мог лишь преклоняться перед гением, тем и гордиться. О понимании не шло и речи.

Но эта книга совсем другая. Если «Краткая история времени» высока, как Эверест, то моя книга, вероятно, не больше горы Лушань: стоит захотеть ее покорить — и даже непрофессиональные альпинисты доберутся до вершины. Поэтому я использовал подробные пояснения, чтобы

читатели смогли досконально разобрать все изложенные теории точно так же, как читатели «Задачи трех тел» поняли социологию Вселенной. Если бы я захотел покрасоваться, я мог бы убрать ступени, оставить только телескоп и написать чистый текст без моделей — я не знаю, расширило бы это аудиторию, но для большинства читателей, которые полны решимости и способны достичь вершины, просто глядеть в телескоп у подножия горы было бы, вероятно, пустой тратой чувств, времени и предмета исследования. Поэтому лучшим вариантом для меня будет пойти против подхода Хокинга и вырезать каменные ступени — низкие, плотные, отполированные, — чтобы как можно больше читателей могли подняться на вершину и насладиться пейзажами. Кроме того, это может наиболее эффективно выявить недостатки теории, что способствует обмену идеями и их развитию.

Также у меня есть небольшое желание: познакомить читателей с экономическим образом мышления. Среди моих воображаемых читателей есть не только коллеги из академического мира, но и я сам, 18–19 лет, только окончивший среднюю школу и готовый к началу университетской жизни. Я надеюсь рассказать об экономике таким же молодым людям, алчущим познания ее «дао». Это вовсе не какое-то конкретное знание. Примут они мои выводы или нет, неважно; важно то, что они соприкоснутся с экономическим образом мышления. Пока они готовы следовать за нитью повествования каждой главы и досконально разбирать каждую модель, в их сердцах, вероятно, возникнет волшебная пульсация: оказывается, на проблему можно смотреть еще и так! Если эта книга послужит трамплином, сможет привлечь старшеклассника к самостоятельному изучению экономики, то я получу больше удовлетворения, чем от признания коллеги-экономиста.

Это пожелание также определяет сложность и методику чтения книги. Студентам, которые уже изучали принципы экономики, явно по силам ее понять. Эту книгу можно считать ответом на вопрос «Каково применение знаний моего уровня?». Студентам, не изучавшим принципы экономики, и читателям со средним академическим уровнем читать будет сложно, но, приложив немного усилий, все трудности можно преодолеть.

Однако, независимо от вашего уровня, эту книгу не стоит читать в ускоренном режиме и перескакивать со страницы на страницу.

Пропускать фрагменты не рекомендуется: эта книга сильно отличается от традиционной догмы, а главы логически связаны и излагаются последовательно. Такие пропуски возможны в других местах, поскольку у читателя и автора сходные рамки мышления и, следовательно, читатель

в большинстве случаев может угадать суть и идею книги, выхватив несколько фрагментов. Но моя цель — задать любителям истории новые рамки мышления. А подходить к новым рамкам на основе старых — совершенно бесполезная затея.

Не советую читать слишком быстро, поскольку в книге есть простые графические модели и некоторые абзацы, возможно, придется внимательно изучать много раз, чтобы понять. Когда речь идет о модели полезных продуктов и модели направленной миграции, лучше иметь возможность пересмотреть весь процесс рассуждения, следя изображеному на картинке, испытывая восторг, играя со вселенной в своей ладони.

С другой стороны, модели в этой книге не блещут особой техникой и пестротой, поэтому неизбежно, что некоторые усомнятся в ценности всей теории. Если вы мой коллега и у вас возникли такие мысли, пожалуйста, не дайте «обложке» себя обмануть. Хотя эта книга проста, она находится в авангарде динамичной дисциплины. Здесь используются чисто экономические методы и язык для исследования фундаментальных проблем человеческой цивилизации. Если вы когда-то немного уставали от экономики, эта книга, возможно, позволит вам заново пережить свой медовый месяц с ней.

Я изучаю экономику без малого двадцать лет и был опьянен ее изяществом, когда познакомился с ней. Я когда-то мечтал, что по окончании учебы смогу постигать ее кардинальные перемены; не было ни дня, ни ночи, чтобы я не размышлял о проблемах, не отлавливал людей и не приставал к ним с расспросами, чем сильно их раздражал; порой я сомневался в ценности дисциплины, потому что не мог понять смысла запутанных техник. Процесс изучения экономики скучен и утомителен. Когда путешествие заходит слишком далеко, вы можете забыть, зачем вообще его начинали. Если вы чувствуете то же, эта книга поможет вам вспомнить первоначальные намерения и снова испытать трепет первой встречи с прекрасным.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

МИФ